

В.Н. Горлов

Московский государственный лингвистический университет,
119034 г. Москва, Российская Федерация

Исторический центр Москвы как социокультурная проблема

Статья посвящена центру Москвы в разные периоды нашей истории, динамике развития градостроительных идей, практике застройки Москвы, важной общественной роли архитектуры. Рассматриваются вопросы формирования городского центра в связи с его территориальным развитием и задачами по управлению процессами преобразования городской среды. В статье исследуются закономерности формообразования архитектурного центра столицы, выявлена специфичность принципов формообразования составных частей структуры центра Москвы, связанная с пространственными свойствами самих архитектурных форм. Дается оценка характерных тенденций в развитии центра нашей столицы в течение последних трех десятилетий советского периода и некоторые предложения по совершенствованию организации ядра города. Даны качественные характеристики архитектурно-градостроительных решений и их роль в формировании облика города, рассматриваются вопросы гуманизации центра столицы.

Ключевые слова: центр Москвы, слободы, транспортные проблемы столицы, градостроительство, реконструкция городов, жилищный фонд, городская архитектура, социальная сфера

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Горлов В.Н. Исторический центр Москвы как социокультурная проблема // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 4. С. 74–90. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-74-90

V.N. Gorlov

Moscow State Linguistic University,
Moscow, 119034, Russian Federation

The historical center of Moscow as a socio-cultural problem

This article explores Moscow's central architecture throughout its history, the dynamics of urban development, the practice of Moscow's development, and the important social role of architecture. It examines the formation of the city center in relation to its territorial development and the challenges of managing urban transformation processes. The article examines the patterns of form-building in the capital's architectural center, identifying the specific principles of form-building within the constituent parts of Moscow's central structure, which are linked to the spatial properties of these architectural forms. It also assesses the characteristic trends in the development of our capital's central architecture over the last three decades of the Soviet period and offers suggestions for improving the organization of the city's core. It also provides qualitative characteristics of architectural and urban planning solutions and their role in shaping the city's appearance, and considers the humanization of the capital's central architecture.

Key words: Moscow center, suburbs, transport problems, urban development, reconstruction, housing stock, architecture, social sphere

FOR CITATION: Gorlov V.N. The historical center of Moscow as a socio-cultural problem. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 4. Pp. 74–90. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-74-90

На протяжении всей истории общественный центр города был пунктом притяжения народных масс, местом сосредоточения общественной жизни. Своеобразие Москвы заключается в том, что, в отличие от многих других столиц, основные ансамбли центров которых сформировались в Новое время, в XVIII–XIX вв. (Париж, Вашингтон, Петербург), она сохраняет и формирует ныне свой центр в условиях средневековой структуры XII–XVII вв. Во многом сходны с ней в этом отношении Лондон, Афины, Рим [16, с. 52].

Крепость, возникшая около XII в. на холме у излучины Москвы-реки, с радиально сходящимися к ней дорогами положила начало центричной структуре будущего города. По мере его роста возникали поселения – посады за стенами Кремля, которые в целях безопасности окружались новыми стенами и земляными валами. Там, где были стены, впоследствии возникли Бульварное и Садовое кольца. В местах пересечений радиальных дорог и колец поднялись башни с воротами и заставы. Память о них хранят площади Бульварного и Садового кольца.

С самого начала своего формирования Москва расширялась концентрическими поясами, вбирая в себя, по существу, автономные пригородные поселения. Слободы содержали в себе весь функциональный комплекс отдельного поселения. В то же время, как специализированные поселения, они входили в городскую агломерацию. Городской столичный центр постепенно прорастал сквозь кольца слобод, по существу, не затрагивая их внутренней планировочной структуры. Становясь частью города, слободы достраивались, срастались в секторные планировочные образования, ограниченные основными радикальными улицами и кольцами стен. Эти образования и создали основу собственной планировочной структуры центра. Несмотря на укрупнение сети улиц и переулков, несмотря на изменение характера землевладения и застройки, несмотря на смену эпох, эта структура осталась в принципе неизменной. Она прослеживается практически на всех старых планах Москвы.

Узлами планировочной структуры межмагистральных секторов служили общественные центры, расположенные чаще всего в средней части сектора. В них входили: места приложения труда, торги, учреждения самоуправления и администрации. Такой узел являлся, как правило, центром прихода и формировался при приходском (слободском) храме. На этот центр были ориентированы все внутренние функции слободы – городского района, все его пешеходные коммуникации. Это был не только функциональный, но и пространственный центр сектора. Внимательное рассмотрение планировочной структуры центра города в пределах Садового кольца показывает, что практически каждый межмагистральный сектор сохранил свою систему улиц, сходящихся в срединном узле вокруг небольшого квартала, группы кварталов или небольших площадей [18, с. 6].

С течением времени менялось функциональное назначение срединных узлов планировочной структуры секторов. Исчезали былые центры притяжения: монастыри, приходские храмы, рынки, мануфактуры. Возникали новые: производственные предприятия, учреждения, объекты обслуживания, науки, культуры, просвещения. Функции узлов не только

выморачивались, но и видоизменялись. В старую планировочную структуру постепенно вливалась новая жизнь. И теперь уже не функция формировала планировочную структуру, а пространственные центры секторов притягивали к себе функцию [8, с. 163].

Первыми границами Московского городища были каменные стены Кремля, возведенные в 1367–1368 гг. при Дмитрии Донском на месте дубовых стен Ивана Калиты. Посады и слободы, расположенные вокруг Кремля, оставались незащищенными еще 167 лет. Все эти годы город не имел четких границ.

Рост города и его явная незащищенность стали причиной интенсивного возведения укреплений в XVI в. Первым получил мощную защиту наиболее важный для Москвы Великий посад – центр общественной и экономической жизни города. В 1535–1538 гг. он был обнесен каменной стеной со рвом и плацдармом перед ним. До XVI в. Великий посад имел неустойчивые границы, что было обусловлено его территориальным ростом. Функцию защиты посада первоначально выполняли укрепления временного характера – небольшой вал со рвом и локальные очаги обороны: «осадные», т.е. укрепленные дворы бояр и богатого купечества [1, с. 184]. Теперь посад именовался Китай-городом.

К концу XVI в. резко увеличилась интенсивность заселения вокруг Кремля и Китай-города, и на месте прежнего Земляного вала в 1586–1593 гг. был возведен второй оборонный пояс: стены Белого города с целью служить плацдармами. Но и за пределами Белого города посады и слободы оказались заселенными настолько плотно, что, одновременно с его стенами, в 1591 г. на земляном валу со рвомозвели деревянную стену Скородома – последнее средневековое укрепление Москвы.

К исходу XVII в. Москва была уже немалым по тем временам городом, вобравшим великолепные дворцы, монастыри и храмы, крепостные стены и торговые ряды. И несметное число рубленых домов и домишек простого люда, что селился по холмам вширь от кремлевских стен, придававших городу те самые черты, за кои издавна звалась Москва «большой деревней». В подобном определении вовсе не содержалось чего-либо оскорбительного для города. Напротив, в нем ощущалось теплое к нему отношение, обозначающее то особенное, что делает Москву близкой и дорогой каждому русскому сердцу.

Москва допетровская, точнее говоря, допетербуржская, постепенно отстраивалась по своим законам, формируя тот особенный, единственный облик, черты которого так ценны в наши дни. Они в природной среде города, в структуре радиально-кольцевого московского плана, в живописности, непринужденности строений монастырских комплексов, в просторных городских усадьбах и в скучившихся посадами

жилых образованиях. Особенности Москвы в известной мере определялись степенью свободы градостроительных действий, отсутствием строгого законодательства. И в этом тоже выражался московский дух, явившийся олицетворением неповторимого московского образа жизни.

В конце XVI в. посады, слободы и загородные усадьбы территориально объединились вокруг Кремля, образовав систему четырех «городов», каждый из которых был окружен своей стеной: Кремль, Китай-город, Белый город и Скородом (с 1630 г. – Земляной город). Друг от друга они отделялись оборонительными поясами. Таким образом, до конца XVIII в. пояса обороны, с одной стороны, территориально объединили земли вокруг Кремля в городской организм, а с другой – планировочно разграничили его на достаточно самостоятельные части. Границей города была не просто линия укреплений – стен, а целая полоса обороны – сложная, составная граница. Все ее элементы: и «осадные дворы», и стены со рвом, и плацдармы, и монастыри – способствовали пространственно-планировочному разъединению городской ткани, усиливая разъединяющую, барьерную функцию границы. Оборонительные полосы препятствовали планировочному взаимодействию всех частей города, связанных только по основным радиусам – через ворота. Интересно, что из соображений безопасности у Ильинских ворот была даже разорвана связь радиальных улиц Белого города и Китай-города [20, с. 21–22].

Снос стен Белого города в 1760–1770 гг. положил начало новому этапу в эволюции граничных территорий: объединению обособленных частей в целостный организм. Ко времени сноса стен Москва являлась городом в пределах Камер-Коллежского вала. Границы «городов» превратились во внутренние городские границы. Интенсивный рост территории Москвы заставил уже в начале XVIII в. перенести таможенную границу к современным заставам, где в 1730 г. был воздвигнут Компанийский и в 1742 г. – Камер-Коллежский вал. После отмены в 1754 г. внутренней таможни в России этот вал стал фактической городской границей. К этому времени исчезла необходимость в оборонительных сооружениях [22, с. 6–7].

История свидетельствует о том, что почти все крупномасштабные, радикальные планы реконструкции столицы оставались нереализованными. Первой попыткой преодолеть тесноту средневекового города на серьезной плановой основе был, как известно, проект 1775 г.

Императрица Екатерина II, задумав реконструкцию Кремля, обратила внимание и на окрестную московскую застройку, раздражавшую ее своей хаотичностью и часто неухоженностью. По указу Екатерины II в недрах «Комиссии для строения столичных городов Москвы

и Петербурга» к 1775 г. был создан первый серьезный план урегулирования и благоустройства, т.н. проектированный план. Главное место в нем отводилось созданию полукольца площадей в центре города, а на них должны были быть «кварталы и корпуса под строение публичных и обывательских домов по фасадам, которые по сочинении высочайшей конфирмации удостоятся» [13, с. 102–103].

Однако прекрасная идея оказалась трудновыполнимой из-за вечной и банальной нехватки средств. И поэтому реальная жизнь и частновладельческие интересы продолжали диктовать застройку вокруг берега Неглинной и на южной стороне Моховой улицы. Тем более, что к 1780-м гг. Екатерина II явно охладела к переустройству Москвы, а главнокомандующий З.Г. Чернышев давал разрешение на застройку по своему усмотрению [5, с. 8–9].

Такой была Москва до войны 1812 г., который резко изменил ее облик. В 1813 г. после пожарищ Отечественной войны знаменитым петербургским архитектором В. Гесте был составлен проект радикальной реконструкции Москвы, который, в соответствии с требованиями нового времени, намечал в городе развитую сеть широких магистралей и просторных площадей, раскрывал пространства вокруг значительных и монументальных комплексов – Кремля, культовых зданий, а также закладывал площади на въездных заставах и пересечениях магистралей. Но столь радикальная реконструкция требовала огромных средств. Комиссия для строения Москвы писала в своем заключении, что «многие годы и великие суммы надобны, чтобы выстроить Москву по этому плану» [цит. по: 15, с. 26]. План Гесте знаменовал новое, по преимуществу архитектурное отношение к вопросам градостроительства, но отвлеченный «геометрический» радикализм проекта, наряду с пре-небрежением к вопросам экономики, сделал его беспочвенным [7, с. 60; 16, с. 247–248]. Гесте действовал таким же образом во всех русских городах, куда его отправляли с целью их реконструкции [2, с. 8–9].

В тот период не возникали вопросы сохранения исторического наследия, более того, новые представления о городе во многом основывались на отрицании средневековой традиции. Ввиду же недостатка средств, развитие столицы шло по пути малых локальных преобразований, не снимавших, а наоборот, закреплявших и усугублявших нарастающее диалектическое противоречие между новым содержанием столицы (социально-экономическим, идеологическим, художественным) и его старой формой.

Принципиально изменилось отношение застройки к улице: в проездах вдоль стен Белого города в конце XVIII – начале XIX вв. располагались усадьбы, подчеркнуто обращенные фасадами на улицу.

Плацдармы определенным образом застраивались жилыми кварталами, церковными и торговыми строениями задолго до сноса стен, в основном, уже в конце XVII в. На месте бывших ворот Белого города возникли площади, застроенные общественными сооружениями. На рубеже XVIII–XIX вв. были созданы замечательные проекты ряда площадей, располагавшихся по линии бывшей границы Белого города. Стены со рвом Белого города сменились бульварами. Первый из них, Тверской, возник в 1796 г., к 1862 г. появились и другие бульвары: Пречистенский, Никитский, Страстной, Петровский, Сретенский, Покровский. Территория разрушающегося местами Земляного вала застраивалась лавками, кузницами и жильем. На месте вала был устроен проезд (современное Садовое кольцо), а излишки земли переданы домовладельцам для устройства палисадников. Вместо ворот Земляного города появились рынки (Смоленский, Сухаревский, Таганский); были спроектированы Калужская и овальная Серпуховская площади [22, с. 6–7].

Так в конце XVIII – первой половине XIX вв. три части Москвы – Белый город, Земляной город и периферийный пояс застройки – как бы «сшиваются» полукольцом бульваров и кольцом Садовых улиц, узлами площадей и рынков, новыми радиальными связями. Пространственно-планировочная структура бывших граничных территорий, ставших «внутренними», приспосабливается к их новой функции: границы, служившие преградами, «барьерами», становятся «швами», выполняющими функцию соединения.

Таким образом, в первой половине XIX в. завершился этап формирования Москвы как относительно целостного в своей сложности организма. Произошло выделение ядра города (в пределах Камер-Коллежского вала). Трансформация пространственной и функциональной структуры городских границ послужила средством соединения изначально самостоятельных «клеточек» в более сложную структуру – целостный городской организм с центром и периферией. Пространственно-планировочная структура центра Москвы отличалась частой сетью улиц и переулков, этих своеобразных дублеров основной сети. Вся система, находящаяся в сложном пространственно-иерархическом соподчинении, как бы стягивалась к Кремлю, панорама которого на дальних и ближних подступах активно участвовала в формировании градостроительного ландшафта даже отдаленных от него улиц и слобод.

Своебразие и живость московского городского ландшафта уже многие столетия определяется близким соседством разновременных и разностильных построек. Визуальные связи между ними традиционно осуществлялись с помощью системы ярусных высотных ориентиров:

главным образом церквей и колоколен, композиционно и идеино-образно закреплявших все наиболее значимые пространственные членения: площади, перекрестки, излучины рек, изгибы улиц, холмы. На поверхку, однако, в разностилье и разнохарактерности застройки исторического центра Москвы «случайности» сплавляются в глубокую пространственную закономерность. Типы пространств, из которых «набран» исторический центр города, разворачиваются в веками осмысленной последовательности так, что мы никогда не чувствуем себя потерянными в этом кажущемся хаосе. Естественность и непринужденность маршрутов движения позволяют переключать внимание с одного объекта на другой, придавая их взаимосвязи смысловую глубину и перспективу.

В первые годы Советской власти творческая мысль зодчих была направлена на поиски путей вывода центра новой, социалистической Москвы из исторически сложившейся средневековой структуры на пространства, отвечающие новым социальным, политическим функциям и потребностям города, современным масштабным и эстетическим представлениям. Проекты советских архитекторов в первые десятилетия после Октябрьской революции открывали широкие возможности для пространственного развития центра столицы нового времени, формирования ее современных ансамблей. Предлагался активный «ход» от средневекового ядра к свободным территориям, козвучным новой эпохе решениям. Однако эти замыслы не были реализованы [18, с. 8–9].

Проблемы развития Москвы находились в стадии поисков, а практическая деятельность решала текущие проблемы. Из-за этого многие учреждения ведущего идеино-политического значения были размещены в зданиях дореволюционного времени (музей Революции, музей В.И. Ленина и др.).

1930-е гг. и, в особенности, вторая их половина, стали временем преобразования столицы в прямом смысле этого слова, временем создания нового образа Москвы. Новые московские черты, обретенные в годы реконструкции, решительная трансформация масштаба застройки – все это в самом общем смысле складывалось опять-таки по-московски.

В планировке и застройке города, в организации ее силуэта сложилось традиционное расположение главнейших архитектурных доминант. На основных пересечениях Бульварного кольца крупные церкви и колокольни при малоэтажной застройке старой Москвы являлись значительными высотными акцентами. Крупные высотные акценты находились и на основных пересечениях Садового кольца. Эти доминанты выявляли композиционную структуру города, служили ориентиром в застройке. Сложная система XVI–XVII вв. фактически сохраняла свою роль на протяжении двух последующих столетий. Московские «сорок

сороков» перестраивались, их облик менялся, но все они оставались на прежних местах, задавая структуру визуальной картины исторического центра Москвы [12, с. 98–99].

Очевидно, что в новых условиях город требовал новых доминант силуэта, с иным масштабом. В этом смысле высотные здания начала 1950-х гг. представляют собой значительное достижение в организации силуэта города, в развитии традиций московской архитектуры. Сегодня трудно представить себе город без этих запоминающихся зданий.

В 1950-е гг. проблема развития центра Москвы возникла вновь. Выдвигалась и прорабатывалась концепция активного освоения юго-западного направления, создания на свободной территории крупного общественного форума с Дворцом Советов, Пантеоном, широкими эспланадами и площадями [4, с. 40–41]. Однако и эта идея осталась нереализованной. Перспективное юго-западное направление, уже к тому времени закрытое высотным зданием МГУ им. М.В. Ломоносова, позже стало застраиваться самыми разнородными объектами [3, с. 47–48].

Авторы Кремлевского Дворца съездов, казалось бы, с большим вниманием отнеслись к проблеме композиционного убедительного включения нового здания в исторический ансамбль, однако с течением времени этот современный элемент кремлевского ансамбля вызывал все большую неудовлетворенность. Главная причина кроется в растущем осознании того факта, что строительство Дворца съездов повлекло за собой невосполнимые потери в уникальном культурном наследии, которым обладает Московский Кремль. Представительное здание Дворца съездов, размещенное в теснине средневековых построек Кремля, не дало столице нового градостроительного качества. Строительство в историческом центре Москвы гостиницы «Россия» также не могло не вызывать острой критики.

В 1960-е гг. снова начались поиски решения проблемы центра, теперь снова в исторической части города: в границах Земляного города – Садового кольца. Эти работы вновь со всей очевидностью показали назревшее несоответствие сложного, многогранного содержания современных столичных функций, масштабов их архитектурного выражения с ограниченными пространственными возможностями средневекового ядра, назревшую необходимость решения этой проблемы. Но и на этот раз эта принципиальнейшая для развития города и его архитектуры задача так и осталась неразрешенной, а Генеральный план 1971 г. распределоточил новые объекты столичного центра опять-таки в средневековом ядре – в черте бывшего Земляного города [11, с. 30].

Внутри затесненного средневекового квартала центра выросли новые корпуса Госплана СССР и ряда других учреждений; союзные министерства и комитеты легкой, угольной, metallurgической, пищевой

промышленности были размещены на проспекте Калинина (сегодня – улица Новый Арбат), другая их часть – на Октябрьской площади и т.д. Даже располагаясь на видных местах, эти объекты большей частью были распылены, рассредоточены и не образовали целостного как функционального, так и архитектурно-художественного, идеино-символического единства. Правительственные учреждения союзного значения на проспекте Калинина оказались в одной «связке» с торговым центром и жилыми зданиями. Аналогичная ситуация сложилась и на Октябрьской площади [14, с. 31].

Включение отдельных, тем более уникальных современных зданий в исторически сложившуюся застройку Москвы являлось все же далеко не самой большой и трудноразрешимой проблемой. Гораздо большие трудности представляло создание целостных архитектурно-пространственных комплексов в центральных районах Москвы.

Такие комплексы, как проспект Калинина, Октябрьская площадь, жестко определяли не только масштаб и архитектурную стилистику, но и всю пространственную структуру центра города. Уцелевшие фрагменты исторической застройки, отдельные памятники, включаясь в эти новые градостроительные структуры, композиционно подчинялись им и теряли права на самостоятельное бытие. Подавленные современной пространственной средой, эти памятники утрачивали во многом и свое социокультурное значение, которое было присуще им как свидетелям определенной эпохи, как носителям свойственных эпохе архитектурных и градостроительных принципов. Такой современный художнический взгляд на включение архитектурных памятников в новый крупномасштабный ансамбль города оставил особенно глубокий след, например, на церкви Симеона Столпника, оказавшейся у подножия многоэтажного жилого дома в начале проспекта Калинина. Аналогичную роль композиционных акцентов, пластически обогащающих несоизмеримые с ними современные фасады, играли и оставшиеся вокруг гостиницы «Россия» памятники Зарядья [21 с. 45–46].

За годы и столетия, прошедшие со времени сложения структуры древней Москвы, где концентрировались все новые и новые общественные сооружения, в стране и в самом городе произошли огромные социальные, экономические, политические перемены. В результате этих перемен сложными, многообразными и чрезвычайно разветвленными стали функции Москвы – столицы государства, изменились состав и внутренняя структура аппарата ее политических, административных и общественных учреждений, что нашло отражение в объемах новых сооружений. Вместе с тем, пространственные параметры исторически

сложившейся части города, где продолжали размещаться новые объекты развивающегося центра, по существу, не изменились, оставались прежними.

Сегодня приходится признать, что сама по себе структурная переориентация такого гигантского города, с невероятно мощной инерцией развития (а к необходимости этого приводят не только проблемы центра, но и, к примеру, экологические), практически если и возможна, то требует колоссальных капитальных вложений в новой реалистичной концепции.

В связи с рассмотрением проблем развития столичного центра и вообще образа столичного города невольно возник вопрос о промышленном потенциале Москвы. Трубы ТЭЦ, промышленных предприятий, заводские корпуса в панорамах города, обширные производственные территории, конструкторские бюро, здания больших научно-исследовательских институтов, заполнившие Москву, а также «спровоцированные» ими транспортные потоки, новые корпуса общежитий, жилья и т.п. создавали определенную семантическую картину – промышленного города, в котором подлинно столичные объекты растворены и исчезают из поля зрения. Объекты, принципиально значимые для московского культурно-исторического ландшафта, перемещались на периферию. Поэтому рассматриваемая проблема оказывалась непосредственным образом завязанной и даже зависимой от структуры экономической базы Москвы [23, с. 150–151].

Престижный характер землепользования в центре города, удобство транспортных связей и многие другие преимущества стимулировали конкурентную борьбу между различными организациями за высвобождающиеся здания и участки. В результате часто побеждал более сильный, и вопрос о пользователе решался не всегда благоприятным для города образом.

В 1970–1980-е гг. был выполнен значительный объем строительства в центре: построены новые крупные объекты, отреставрировано значительное количество памятников архитектуры, Московский Кремль. Однако процесс реконструкции в этот период сопровождался рядом негативных явлений, связанных с нарушениями градостроительных принципов формирования центра, его исторического облика, диспропорциями в сферах городского хозяйства.

Историческое ядро Москвы к середине 1980-х гг. представляло собой конгломерат административных и научных учреждений, объектов культуры, предприятий торговли и общественного питания, жилых кварталов и производственных территорий. В этой ситуации отчетливо проявлялись устойчивые негативные тенденции. Происходила постепенная

утрата своеобразия исторически сложившегося облика и традиционного московского характера застройки, строительство новых зданий, несомасштабных исторической среде города; активное строительство административных зданий в пределах Садового кольца. Крупные общественные и жилые здания размещались случайно, изменяя к худшему облик дорогих москвичам мест. Было необоснованно снесено в угоду моде много ценной исторической застройки. Ширилась практически нерегулируемая экспансия контор, мелких производств, хозяйственных организаций, превращающая центр в сугубо деловой район и вызывающая возрастание пиковых нагрузок на объекты обслуживания, а также маятниковых миграций из периферии города в центр и обратно. Положение усугублялось медленным развитием системы культурно-бытового обслуживания и закрытием многих мелких традиционно-популярных объектов социальной сферы, отсутствие которых создавало в центре т.н. дефицит городской среды [6, с. 96–97].

Программы по выводу предприятий и учреждений из центра, принятые в Генеральном плане Москвы 1971 г., не выполнялись. Некоторые предприятия шли по пути перепрофилизации, укрепления материальной базы и оставались в столице. Это, в свою очередь, опять приводило к значительной перегрузке транспортно-коммуникационной структуры центра (основные магистрали и улицы находились на пределе пропускной способности), значительному увеличению транзита по отдельным участкам, отставанию в реконструкции транспортных узлов по Садовому кольцу. Существенно сократился жилищный фонд за счет передачи его министерствам и ведомствам под административные нужды. Резко уменьшилось постоянно живущее в пределах Садового кольца население (к середине 1980-х гг. почти в 4 раза по сравнению с 1960 г.) [18, с. 6–7]. И, как следствие, возникли безлюдные улицы в вечернее время, т.е. были нарушены границы зон психологического комфорта. Городской центр начинал терять полноту представительства, из него пропали некоторые возрастные категории москвичей. Превращение центральных районов города в «мертвый» город после окончания рабочего дня отражало процесс общей деградации жилой среды исторического центра.

Существенно отставали темпы ремонта жилищного фонда, в результате чего около его половины в пределах Садового кольца требовало проведения реконструкции и капитального ремонта. Возникла громадная диспропорция между процессом старения жилищного фонда и его обновлением. Проявились экологические нарушения в части состояния воздушного бассейна центра, превышение уровня допустимых концентраций выбросов автотранспорта, норм шумового режима.

Причины возникновения указанных диспропорций и негативных явлений крылись в отсутствии узаконенной и твердой градостроительной политики, преобладании ведомственных интересов над городскими, недостатке средств и мощностей строительных организаций для проведения комплексных работ, отставании в развитии сети торговли и других видов обслуживания в срединной зоне города вне исторического центра, пассивной, а иногда и непринципиальной позиции архитектурного руководства и архитекторов, работавших в центре.

Проблема своеобразия Москвы, которая в советский период рассматривалась, в первую очередь, как политическая, заключалась не только в архитектурном облике городской среды, но и в ее функциональном содержании. Неизвестно изменились как образ, так и функции многих участков Садового и Бульварного кольца, улиц, переулков и набережных в историческом центре. Именно к этому вел стихийный процесс «оккупации» центра всевозможными министерствами и ведомствами, процесс отторжения у горожанина его исконных пространств обитания – двора и улицы, процесс, вызванный недальновидной градостроительной политикой вообще и функциональной в частности.

До появления московского метрополитена зоны городской активности следовали плану основных магистралей и площадей. Они избирательно занимали отдельные участки, реагируя изменением конфигурации и числом объектов на появление новых фокусов притяжения (вокзалов, дорог, промышленных объектов и пр.). Они меняли дислокацию из-за крупных реконструктивных мероприятий (расширение Садового кольца, снос стен Китай-города и др.). На улицах, ведущих от застав и вокзалов в центр, объектов обслуживания было больше, чем на соседних. Появление метрополитена существенно усложнило схему внутригородских передвижений и изменило всю логику формирования зон активности, переориентировав их на плане, сделав более прерывными и менее зависимыми от наземной планировки и ее традиционных тяготений. Усилилась неравномерность концентрации активности: зоны без метро заметно отстали [9, с. 146–148].

Несмотря на то, что генеральные планы реконструкции Москвы в целом правильно трактовали социально-функциональную роль городского центра, разрушение части пространственно-планировочной структуры центра, ее упрощение нарушило соответствие пространственного масштаба застройки и масштаба деятельности на всех уровнях: от восприятия человеком фрагментов и деталей застройки, до уровня общегородских пространственно-функциональных взаимодействий. Однако сохранение соответствия масштабов пространств и масштабов деятельности совсем не означает, что следует отказываться от его дальнейшего

функционального обогащения. Наоборот, у центра огромные резервы, запасы «центральности». Их обеспечивает густая уличная сеть, тихие, любимые коренными москвичами переулки: Старосадский, Хохлов, Чистый, Кривоарбатский, Девяткин и множество других. Важно предохранять частую уличную сеть центра Москвы от упадка и деградации, памятуя о том, во-первых, что именно уличная сеть является основным «резервом» функционального насыщения городского пространства, во-вторых, что не только здания, но и пространственно-планировочная структура центра Москвы, ее ландшафт, складывавшийся на протяжении столетий, являются культурным достоянием.

Сохраняется нечто большее, чем архитектура: сохраняется взаимосвязь и взаимодействие городского пространства и людей, горожан, с их привычками и пристрастиями, ценностными ориентациями и привязанностями. Городской центр подлежит охране и развитию не только как средоточие культурных ценностей, но и как пространство городских взаимодействий, среда человеческой жизнедеятельности, исторически сложившееся ядро. Процессы градообразования в нем были медленными и постепенными. Веками создававшаяся и органически росшая городская среда обогащалась новыми культурными напластованиями, отбирая «методом проб и ошибок» наиболее важные в композиционном и пространственном отношениях элементы. В этой среде, в многовековом отборе, сплавляется уникальное и типичное, старинное и современное. Исторический опыт показывает: как бы ни вымораживались функции города, как бы рьяно ни уничтожались здания и целые кварталы, как бы интенсивно ни шла реконструкция, – скелет города остается вещественной реальностью, город сохраняет свою планировочную структуру.

Центральное ядро Москвы в пределах Садового кольца является уникальной исторической зоной, сохранившей индивидуальный облик и включающей сотни памятников архитектуры и ценных строений, составляющих т.н. историческую среду города. Активизируя столичную культурно-обслуживающую деятельность в центральных кварталах, нельзя не помнить, что эта часть города исторически сложилась именно как жилая среда, с присущим ей ритмом жизни, масштабом и всей сложной внутренней организацией. Необходимы настойчивые поиски в создании оптимальных условий для жизни в центре старого города, т.к. утрата жилых функций неизбежно приведет к перерождению и самой пространственной среды, поскольку характер требований, предъявляемых к ней, изменился под влиянием растущих учреждений, институтов и ведомств.

Эта задача может быть решена не путем пассивного сохранения существующего жилищного фонда, а благодаря более активному выделению

собственно жилых территорий при проведении четкой дифференциации многофункциональных наслойений различных видов столичной деятельности. Активное обновление жилых кварталов центра Москвы вполне реально, экономически целесообразно и может быть осуществлено без ущерба для исторически ценного окружения. Такое обновление может предотвратить упадок жилых функций в центре города, весьма опасный для дальнейшей судьбы его исторически сложившейся планировочной структуры и старой застройки. Более того, решительное реконструктивное вмешательство является необходимым средством давно назревшего совершенствования сложившейся среди центральной части города.

Заведующий отделом перспективных исследований и экспериментальных предложений Института Генерального плана Москвы А.Э. Гутнов отмечал, что «центр – это наиболее важная, говоря профессиональным языком, структурообразующая часть города, его ядро, сердцевина, можно сказать, что это самая “городская” часть города. Меняется характер города, меняется характер центра. И, наоборот, изменения в центре отражаются на облике всего города» [10, с. 190]. Центр Москвы при всех условиях сохранил свою многофункциональность, т.е. он остался средоточием активной городской жизни, причем самых различных ее сторон. Приобщенность к совершенно особому, сугубо городскому ритму жизни составляет одну из самых привлекательных и неповторимых черт центра. Решительно все компоненты центра по отдельности можно обнаружить во многих других районах города. И все же там нет специфической атмосферы, присущей центру. Только здесь по-настоящему ощущается удивительное разнообразие и многокрасочность городской жизни.

В наш век господства техники становится все отчетливее, все ощущимее потребность в поддерживающих и формирующих человеческую личность художественных и духовных ценностях. Необходимо противостоять уничтожающему Москву функциональному техницизму и административному волонтаризму. Художественный облик Москвы слишком много значит для нашей истории, для глубинных ценностей русской культуры, и мы должны воспрепятствовать его бездумному, а иногда сознательному искаjению, как это было в прошедшие годы. Задача наших архитекторов – научиться строить рядом со старой архитектурой, раскрывая лучшее, что сохранилось в Москве, придавая жизнь старой застройке и создавая новые произведения, развивающие лучшие традиции московской архитектуры.

Сегодня для нас важен уже сам факт исторической преемственности в развитии собственной планировочной структуры центра Москвы. Необходимо, чтобы эта преемственность складывалась не только из мозаики отдельных случаев, но планомерно, как система, легла в основу градостроительной политики.

Библиографический список / References:

1. Алферова Г.В. Русские города XVI–XVII веков. М., 1989. [Alferova G.V. Russkie goroda XVI–XVII vekov [Russian cities of the 16th–17th centuries]. Moscow, 1989.]
2. Андреева Е.А. История градостроительства городов Вятской губернии (конец XVIII – начало XX вв. // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия: История и политология. 2013. № 4. С. 5–16. [Andreyeva Ye.A. History of urban development of the cities of the Vyatka province (late 18th – early 20th centuries. Locus: People, Society, Culture, Meanings. 2013. No. 4. Pp. 5–16. (In Rus.)]
3. Астафьева-Длугач М.И. Рассказы об архитектуре Москвы. М., 1997. [Astafyeva-Dlugach M.I. Rasskazy ob arhitekture Moskvy [Stories about the architecture of Moscow]. Moscow, 1997.]
4. Астафьева-Длугач М.И., Волчок Ю.П. Москва строится. М., 1983. [Astafyeva-Dlugach M.I., Volchok Yu.P. Moskva stroitsya [Moscow is under construction]. Moscow, 1983.]
5. Вострышев М.И. Московские обыватели. М., 1999. [Vostryshhev M.I. Moskovskie obyvateli [Moscow townspeople]. Moscow, 1999.]
6. Глушкина В.Г. Социальный портрет Москвы на пороге XXI века. М., 1999. [Glushkova V.G. Socialnyj portret Moskvy na poroge XXI veka [Social portrait of Moscow on the threshold of the 21st century]. Moscow, 1999.]
7. Гольденберг П.И. Старая Москва. М., 1947. [Goldenberg P.I. Staraya Moskva [Old Moscow]. Moscow, 1947.]
8. Гольденберг П.И., Гольденберг Б.М. Планировка жилого квартала Москвы XVII, XVIII и XIX вв. М.; Л., 1935. [Goldenberg P.I., Goldenberg B.M. Planirovka zhilogo kvartala Moskvy XVII, XVIII i XIX vv. [Layout of residential quarters in Moscow in the 17th, 18th and 19th centuries]. Moscow; Leningrad, 1935.]
9. Градов Г.А. Город и быт. М., 1968. [Gradov G.A. Gorod i byt [City and everyday life]. Moscow, 1968.]
10. Гутнов А.Э. Города и люди. М., 1993. [Gutnov A.E. Goroda i lyudi [Cities and people]. Moscow, 1993.]
11. Иконников А.В. Гуманистическая направленность советской архитектуры. М., 1980. [Ikonnikov A.V. Gumanisticheskaya napravленnost sovetskoj arhitektury [The humanistic direction of Soviet architecture]. Moscow, 1980.]
12. Киселевич Л.Н., Рабинович И.Л. Композиция массовых жилых домов и ансамбля застройки. М., 1973. [Kiselevich L.N., Rabinovich I.L. Kompoziciya massovyh zhilyh domov i ansambla zastrojki [Composition of mass residential buildings and development ensemble]. Moscow, 1973.]
13. Клименко Ю.Г. «Проектированный» план Москвы 1775 года (к вопросу об атрибуции чертежей) // Архитектурное наследство. Вып. 56. М., 2012. С. 102–112. [[Klimenko Yu.G. “Projected” plan of Moscow in 1775 (on the issue of attribution of drawings). Arhitekturnoe nasledstvo. Issue 56. Moscow, 2012. Pp. 102–112. (In Rus.)]
14. Кудрявцев О.К. Планировочная структура крупного города. М., 1974. [Kudryavcev O.K. Planirovochnaya struktura krupnogo goroda [Planning structure of a large city]. Moscow, 1974.]

15. Муравьев В.Б. Москва. 1812 год // Архитектура и строительство Москвы. 1987. № 12. С. 25–27. [Muravyov V.B. Moscow. 1812. *Arkhitektura i stroitelstvo Moskvy*. 1987. No. 12. Pp. 25–27. (In Rus.)]
16. Мышковский Я.И. Жилища разных эпох. М., 1975. [Myshkovskiy Ya.I. *Zhilishcha raznyh epoh* [Dwellings of different eras]. Moscow, 1975.]
17. Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005. [Orlov A.A. Soyuz Peterburga i Londona. Rossiysko-britanskiye otnosheniya v epokhu napoleonovskikh voyn [The Alliance of St. Petersburg and London. The Russian-British relations during an epoch of Napoleonic wars]. Moscow, 2005.]
18. Павлов Н.Л. Планировочная структура центра: проблемы развития и преемственности // Архитектура и строительство Москвы. 1987. № 7. С. 6–7. [Pavlov N.L. Planning structure of the center: Problems of development and continuity. *Arkhitektura i stroitelstvo Moskvy*. 1987. No. 7. Pp. 6–7. (In Rus.)]
19. Полянский А.Т. Творческие проблемы советской архитектуры. М., 1982. [Polyanskiy A.T. *Tvorcheskie problemy sovetskoy arhitektury* [Creative problems of Soviet architecture]. Moscow, 1982.]
20. Пронин Е.С. Формирование городских центров. М., 1983. [Pronin E.S. *Formirovanie gorodskih centrov* [Formation of urban centers]. Moscow, 1983.]
21. Соколов Л.И. Административные центры городов. М., 1979. [Sokolov L.I. *Administrativnye centry gorodov* [Administrative centers of cities]. Moscow, 1979.]
22. Ухина Н.С. Исторические границы Москвы // Строительство и архитектура Москвы. 1985. № 10. С. 6–7. [Uhina N.S. Historical boundaries of Moscow. *Arkhitektura i stroitelstvo Moskvy*. 1985. No. 10. Pp. 6–7. (In Rus.)]
23. Хасиева С.А. Архитектура городской среды. М., 2001. [Hasieva S.A. *Arhitektura gorodskoj sredy* [Architecture of the urban environment]. Moscow, 2001.]

Статья поступила в редакцию 12.10.2025, принята к публикации 09.11.2025
 The article was received on 12.10.2025, accepted for publication 09.11.2025

Сведения об авторе / About the author

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры исторических наук и архивоведения, Московский государственный лингвистический университет

Vladimir N. Gorlov – Dr. Hab. of History; Professor at the Department of Historical Sciences and Archival Science, Moscow State Linguistic University

E-mail: gorlov812@mail.ru